

МАГНИТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ — АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

А. Н. Пилясов

АНО «Институт регионального консалтинга» (Москва, Российская Федерация)

Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

Рассматривается содержание вышедшей в январе 2018 г. арктической политики Китайской Народной Республики. На основании опыта многомесячного общения с китайскими экспертами в области арктической политики и многократного анализа документа автор делает вывод, что главный его нерв — стремление Китая утвердить на примере Арктики новые принципы своей модели глобализации, которая радикально отличается от прежней, англосаксонской модели. Такой взгляд идет вразрез с представлениями многих российских экспертов по Китаю, полагающих, что единственная и главная цель китайской арктической политики — получить гарантированный доступ к арктическим ресурсам, прежде всего углеводородным.

Ключевые слова: арктическая политика, глобализация, сухопутные и морские пространства Арктики, Арктический совет, неарктические страны, арктическое управление.

Введение

В последние годы очень много написано об арктической политике Китая [1—12]. Возникает вопрос: что нового можно привнести в эту тему, в том числе с учетом принятой в январе 2018 г. официальной «Белой книги» китайской арктической политики [13]?

Главный новый момент, который рассматривается в настоящей статье, — то, что все действия Китая в Арктике, включая и новую официальную арктическую политику, нужно понимать в контексте его претензии на роль главного двигателя, главного сторонника, защитника и драйвера глобализации в современном мире, в том числе в Арктике. И это даже важнее жадности до ресурсов, о которой говорят все наши коллеги, рассматривая действия Китая в Арктике.

Убежден, что именно «ключом» глобализации следует считать и анализировать арктическую деятельность Китая — ведь растущее присутствие этой страны как главного неарктического игрока в Арктике уже само по себе становится фактором ее глобализации. По сути на примере Арктики Китай

отрабатывает новую для человечества модель глобализации, которая в большей степени, чем англосаксонская, опирается на нерыночные факторы научной обоснованности, социальной справедливости, экологической сбалансированности, безусловного уважения местных особенностей и их учета. Такой взгляд на новый документ будет абсолютно созвучен известной китайской поговорке: «Без полной картины / полного / целостного представления даже малое действие не имеет практического значения».

Аргументы Китая за глобализацию Арктики

Нельзя сказать, что арктическая политика Китая — очень четкий, отчетливый, «прозрачный» по смыслу документ. Например, сравнение его с аналогичным документом Европейского союза тотчас выявляет большую предметность, конкретность и ясность по мыслям и самому стилю изложения второго документа [14]. Но это первое впечатление обманчиво. На самом деле данный документ, если рассматривать его с позиций арктической глобализации и желания Китая утвердиться в качестве ее

лидера, имеет очень целостный, законченный и логически выверенный вид. Вопросы по частной логике (почему таков порядок изложения, почему одни факты подняты, а по другим, наоборот, хранится молчание), возникающие в процессе первых чтений, уходят, если воспользоваться ключом арктической глобализации. Тогда возникает абсолютно иное впечатление, и все становится понятным и логически выстроенным.

Действительно, в том, что касается аргументов за глобализацию, настойчивости в утверждении ее принципов и приоритетов в Арктике, этому документу просто нет равных. Убежден: ни одна национальная стратегия, ни один международный официальный документ не борется за глобализацию в Арктике столь настойчиво, однозначно, даже яростно, как китайская арктическая стратегия.

Весь документ начинается с однозначной, можно даже сказать, не допускающей возражений констатации: «The Arctic situation now goes beyond its original inter-Arctic States or regional nature, having a vital bearing on the interests of States outside the region and the interests of the international community as a whole, as well as on the survival, the development, and the shared future for mankind. It is an issue with global implications and international impacts»¹. Далее следуют аргументы: глобальное потепление в Арктике, которое идет здесь активнее и мощнее, чем в остальном мире, и представляет угрозы новой нестабильности, но одновременно и перспективы новой доступности Арктики для человечества; в этих условиях возникают возможности радикального расширения морской арктической навигации для неарктических стран, арктического рыбного промысла за счет миграции некоторых рыбных популяций на север, прокладки подводных телекоммуникационных кабелей для межконтинентального взаимодействия, активизации кросс-полярных (через Северный полюс) перелетов, строительства новых трубопроводов для доставки арктических нефти и газа на емкие азиатские рынки, налаживания совместных научно-исследовательских работ в Арктике (в том числе по критически важным вопросам охраны хрупких арктических экосистем) с активным участием в этом неарктических стран, прежде всего Китая.

Важно, что во всех этих видах деятельности, если они осуществляются за пределами зон национальной юрисдикции, существует вакуум международных норм и правил, т. е. они в большинстве случаев никак не зарегулированы. А немногочисленные существующие нормы и правила (из них прежде всего

в документе неслучайно названы именно Конвенция ООН по морскому праву и соглашение по Шпицбергену) носят предельно либеральный для неарктических стран характер, т. е. по сути еще задолго до формирования реалий современной глобализации в них были прописаны нормы, максимально дружественные для свободного проникновения в Арктику неарктических государств. То есть Китай с первых страниц документа абсолютно четко обозначает желание ввести «ничейную» Арктику в сферу глобализации, глобальной экономики — торговли, транспорта, коммуникации, природопользования, с мощным и возрастающим присутствием здесь неарктических государств.

Интересно и парадоксально, что арктические стратегии крупных федераций — России, США, Канады — сосредоточены на себе, сконцентрированы на внутренних проблемах инфраструктурного обустройства, устойчивости местных сообществ, защиты национального суверенитета в подконтрольной арктической морской зоне, а арктические стратегии унитарных стран — Норвегии, Швеции, Дании (совместно с Гренландией и Фарерскими островами), Исландии — более «разомкнуты», обращены к проблемам изменения климата, многостороннего сотрудничества в Арктике, международного рыболовства, но все равно (и это закономерно) не дают глобального взгляда на Арктику в целом как на отдельный мировой «остров» для всего человечества. Стратегия Европейского союза географически ограничена евроарктическим регионом и поэтому также не претендует на всеобщность взгляда на Арктику. И только Китай, сторонний наблюдатель Арктического совета, но одновременно и супердержава XXI в., представляет свой взгляд на всю Арктику — европейскую, американскую, азиатскую — как на единый общечеловеческий природно-хозяйственный феномен.

Что же дает Китаю право, можно сказать, единолично, решительно выступать за глобализацию Арктики в своем главном документе арктической политики?

Во-первых, конечно, его общая позиция по всем международным вопросам: США и развитые европейские страны, применяя экономические санкции и другие дискриминационные меры против политически нелояльных к ним стран, по сути вступили на путь свертывания ранее начатой ими же новой и самой мощной в мировой истории волны глобализации. Россия слишком отягощена внутренними экономическими проблемами после 25 лет непрерывного и подчас разрушительного реформирования и в связи с угрозами частичной утраты суверенитета в отдельных территориях, отраслях экономики, изоляции в международных финансово-экономических и политических структурах и институтах. И только Китай, в дальнейшем развитии вынужденный выходить за собственные пределы, чтобы избежать разрушительного перепроизводства и дефицита

¹ «Арктическая ситуация сейчас выходит за рамки первоначального сотрудничества только арктических государств, оказывая жизненно важное влияние на интересы государств за пределами региона и интересы международного сообщества в целом, а также на выживание, развитие и общее будущее человечества. Это вопрос, имеющий глобальные международные последствия».

энергетических ресурсов, обречен биться за глобализацию на всех мировых площадках, в том числе в Арктике. От дальнейшего продолжения глобализации однозначно зависит его экономический успех, его процветание. Китай в этом смысле можно сравнить с транснациональной корпорацией, которая может уверенно существовать только на росте, только на экспансии: останавливается экспансия — распадается корпоративная структура. А рост для Китая напрямую связан с новыми внешними рынками и сферами приложениями инвестиций, трудовых ресурсов и компетенций.

Поэтому для него резкие и очень определенные констатации относительно глобализации в Арктике — не агрессивное поведение, не стремление ущемить арктические страны, а естественный и единственный способ выживания в современном мире. Остановить экономический рост он не может, а дальнейший рост однозначно связан с новыми сферами активности и присутствия.

Во-вторых, даже по частным направлениям, ключевым для современного развития Арктики, Китай уже стал крупнейшим игроком в мире. Его расходы на НИОКР в Арктике лишь немного уступают крупнейшему донору — Европейскому союзу, Китай является крупнейшим рынком для арктического туризма. Другое направление — развитие альтернативной энергетики: здесь Китай имеет огромные заделы в использовании солнечной, ветровой, геотермальной энергии. Его признанные во всем мире компетенции в строительстве крупных и очень сложных инфраструктурных объектов уже обеспечили успешную реализацию проектов строительства порта Сабетта и завода по сжижению природного газа (Фонд Шелкового пути), реализацию уникального пилотного проекта по тотальной сверхскоростной телекоммуникации на Фарерских островах (компания «Хуавей»), в стадии обсуждения проекты железной дороги «Белкомур» и дноуглубления Архангельского морского порта (компания «Поли-Групп»). Китай становится крупным игроком в арктической горной отрасли за счет участия (и активного обсуждения потенциального участия) в реализации многочисленных проектов в Гренландии, Исландии, Норвегии и России.

В-третьих, Китай готов вдолгую, стратегически работать в арктическом судоходстве и мореплавании. Понятно, что это подлинный тест на серьезность претензий страны быть в Арктике: только государства, способные содержать сверхдорогостоящий ледокольный флот и грузовые суда ледового класса, могут считаться не гостями, а хозяевами Арктики. И здесь мало просто фактически быть арктической страной — нужно доказывать свой статус постоянными усилиями по присутствию, активному участию в арктической навигации и полярном судоходстве. Китай в отличие от арктической Канады, которая как заклинание десятилетиями произносит слова о собственной программе строительства

арктического ледокольного флота, но никогда ее не реализовала на практике, готов и будет строить ледокольный флот в добавление к уже имеющимся двум ледоколам, купленным у других стран.

Этим очень долгосрочным подходом к Арктике, который невозможен без оптимистической оценки ее будущих перспектив, Китай радикально отличается от азиатских соседей: например, японские эксперты всегда оценивают перспективы Северного морского пути существенно более пессимистично и не видят в нем коммерческой привлекательности (причем это не зависит от конкретного эксперта, имеет значение сама страна его национальной принадлежности), корейские эксперты всегда подходят в перспективам Арктики и морской навигации с предельно узких и частных позиций — например, как использовать Северный морской путь для загрузки своих автомобильных заводов в Европе корейскими комплектующими, поставляемыми контейнерами из Азии в Европу через Арктику.

Китай пришел в Арктику относительно недавно (если не считать подписания в 1925 г. вместе с десятками других стран соглашения по Шпицбергену, которое имело малое практическое значение), но очень стремительно (табл. 1). Вплоть до второй половины 1990-х годов он активно участвовал наряду со многими странами в исследованиях Антарктиды. Поэтому неудивительно, что первоначальное проникновение в Арктику, исследование ее климатической и экосистемной динамики происходили на фундаменте накопленных к этому времени «антарктических компетенций», опыта и технологий без ясного понимания сущностной специфики Арктики в вопросах природопользования, судоходства и мореплавания, морских геолого-разведочных работ и др. Однако очень быстро с накоплением знания по арктической специфике (с созданием исследовательских платформ в Гренландии и Исландии, приобретением собственного ледокола, вхождением в международные арктические организации и др.) начался процесс обособления арктической тематики и арктической политики как абсолютно отдельных от того, с чем Китаю приходилось иметь дело в Антарктиде.

Китай пришел в Арктику позже многих других неарктических стран, поэтому добиться ощутимых успехов в своей политике он может, только предложив абсолютно новую повестку для обсуждения. Представляется, что идея глобализации с арктической спецификой, идея китайской модели глобализации, отрабатываемой в Арктике, которую содержит новая «Белая книга», — как раз и есть та самая новая повестка.

Стратификация арктических пространств и институтов

Вся пространственная, институциональная и функциональная структура современного развития глобальной Арктики в китайской стратегии

Таблица 1. Хроника формирования элементов арктической политики у Китая

Годы	Событие
1925	Китай подписал соглашение по Шпицбергену (право китайских судов участвовать в рыбном промысле и торговой деятельности в арктической акватории)
1981	Создана китайская Антарктическая (впоследствии Арктическая и антарктическая) администрация под Государственной океанологической администрацией
1983	Китай подписал всеобъемлющее соглашение по Антарктике
1985—2017	Китай открыл пять исследовательских баз в Антарктике
1993	Покупка у Украины ледокола «Снежный дракон» для арктических экспедиций
1996	Китай присоединяется к Международному арктическому научному комитету
2004	Открытие арктической научной станции «Хуанхэ» на Шпицбергене
2004—2017	Организация восьми экспедиций в Северном Ледовитом океане
2007	Первое обращение Китая для получения статуса наблюдателя в Арктическом совете (Тромсё, Норвегия)
2013	Китай получает статус наблюдателя на Восьмом министерском совещании Арктического совета в Кируне. Соглашение о свободной торговле между Китаем и Исландией
2018	Китай принимает свою первую арктическую политику

Примечание. Составлено на основании интернет-источников.

как бы проверяется, тестируется магнитом на то, что притягивается к глобализационному феномену, который Китай хочет в Арктике возглавить, и на те сферы, которые очень сильно привязаны к якорям уже существующего национального или международного порядка и на которые этот магнит не действует. Пространства, процессы, проблемы и виды деятельности, имеющие в Арктике международный характер (и часто одновременно характеризующиеся дефицитом международных норм регулирования), помещены в каждом разделе в начале изложения, а пространства, процессы, проблемы и виды деятельности, которые подчиняются национальному регламенту или уже выработанному регламенту арктических государств и на которые Китай поэтому не имеет влияния, — располагаются в конце.

Неудивителен поэтому и выбор границы Арктики — это, конечно, физико-географический критерий, подчеркивающий общность природно-климатических условий, а не административно-политическая граница, которая разводит Арктику по национальным «квартирам». Для Китая с его приоритетами глобализации первично именно природоведческое, а не общественно-политическое «лицо» Арктики — иначе говоря, это АМАР, а не АНДР-Арктика ².

Китайское арктическое мышление — это карта, центрированная на Северном полюсе: первично «ничейное» морское пространство, сухопутные окраины вторичны. Именно таким подходом пронизана арктическая стратегия Китая — и это очень непривычно для нас, жителей страны с обширной арктической сушей.

Но если признать абсолютный приоритет глобализации, утверждаемый каждой строкой китайского документа, все становится на свои места: зачем нужна суверенная суша, давно застолбленная арктическими государствами, — подлинный полет фантазии начинается именно в арктическом океане, и чем дальше от национальных юрисдикций, тем лучше, тем свободнее для глобализационных императивов. 12 млн км² морских пространств Арктики и 8 млн км² ее сухопутных пространств имеют абсолютно разную степень суверенности, и для Китая это принципиально важно.

Поэтому для КНР море важнее суши Арктики, и именно морским пространствам посвящена основная часть «Белой книги». Статус морской акватории как общего богатства, общего наследия человечества за пределами 200-мильной зоны идеально подходит для утверждения приоритетов глобализации Китаем. И вся система аргументов подчиняется этой (морской) логике: сначала нормы морского международного права, которые утверждают принадлежность значительной части арктических морских пространств всему человечеству (Конвенция ООН

² АМАР — Arctic Monitoring and Assessment Program (Программа по арктическому мониторингу и оценке воздействия), АНДР — Arctic Human Development Report (Доклад о социально-экономическом развитии Арктики).

по морскому праву, соглашение по Шпицбергену), потом физико-географические аргументы в пользу общей природы арктических морских пространств и уже затем упоминание об областях национальной юрисдикции этих пространств.

Именно поэтому Китай с настороженностью воспринимает всякие попытки России, Дании, Канады расширить зоны своих национальных юрисдикций за 200-мильную зону, в сторону «общего наследия человечества», используя аргументы о геологической общности подводных хребтов с континентальной сушей той или иной арктической страны. Поэтому Китай настороженно воспринял Илуиссатскую декларацию пятерки морских арктических держав — Канады, США, России, Дании/Гренландии, Норвегии, увидев в этом покушение на свои попытки глобализации удаленных морских пространств Арктики: а вдруг эта пятерка захочет быть коллективным хозяином арктического морского ранчо? И поэтому среди арктических друзей Китая числятся прежде всего малонаселенные страны Арктики — Исландия, Гренландия, Фарерские острова, для которых вопросы суверенитета не стоят так остро, как для крупных арктических федераций.

В связи с этим главные аргументы в арктической стратегии Китая за его присутствие здесь — аргументы естественно-научные, физико-географические, связанные с изменениями климата, хрупкостью арктических экосистем, совместными мониторинговыми исследованиями экосистемной динамики. Но не аргументы социально-экономические, связанные с арктическими коренными народами, саморазвитием местных сообществ Арктики, ресурсной деятельностью в Арктике. Первые консолидируют интересы, в том числе неарктического человечества, в Арктике, обращены прежде всего к «ничейным» акваториям, а вторые четко персонифицируют «ответчика» в лице той или иной страны, обращены к национальным арктическим и, как правило, сухопутным «квартирам».

Для Китая принципиально различие между 12 млн км² морских пространств Арктики, где на значительной части юрисдикция арктических государств ослаблена или отсутствует, а международная прорисована неотчетливо, и 8 млн км² сухопутных арктических земель, над которыми установлен четкий национальный суверенитет арктических государств. Ветры глобализации «Белой книги» обращены в первую очередь к первым из них.

Любопытно, что этот подход прослеживается даже в постановке арктических исследований: одно дело, когда они проходят на ничейной акватории и их ни с кем не нужно согласовывать (морские экосистемы, загрязнение арктических морей и др.), и совсем другое — работа в зоне национальной юрисдикции (на арктической суше или акватории), где можно проводить исследования только в кооперации со страной-сувереном. Именно первая ситуация («общее наследие человечества») максимально комфортна

для Китая, потому что предельно напоминает стиль и характер исследований, которые он уже десятилетия ведет в Антарктиде.

В этой обозначенной логике абсолютно естественно, что Китай провозглашает принцип свободы навигации в Арктике для всех стран, признает Полярный кодекс судоходства и мореплавания в большей степени, чем национальные нормы арктических стран, готов спорить по вопросам морской навигации в Арктике по нормам международного, а не национального права, использует международный термин «Северо-Восточный проход», а не российский термин «Северный морской путь». А реалии глобального потепления у Китая превращаются, как ни у кого больше в мире, в мощный аргумент за глобализацию, т. е. масштабное вовлечение неарктических игроков в Арктику, например в виде морской навигации по арктическим морям в интересах международной торговли между Азией и Европой.

Таким же магнитом глобализации в новой стратегии стратифицируются и ресурсы Арктики — на те, что находятся в открытом доступе для человечества, и на те, использование которых регулируется нормами национальной юрисдикции. Первым, а это преимущественно морские ресурсы, по которым есть явный дефицит международных норм и правил, в документе посвящено значительное внимание (рыбный промысел, морские круизы, морская навигация и др.). С другой стороны, сухопутным ресурсам, которые находятся на территории арктических государств, отведено значительно меньше места, и только тем, развитие которых в существенной степени определяется китайским потребительским рынком (пример — арктический туризм) или предложением (технологии инфраструктурного обустройства, альтернативной энергетики и др.).

Точно так же и природопользование в Арктике понимается исключительно как феномен активности глобальных ресурсных компаний, а местная ресурсная деятельность в интересах местных сообществ, самих арктических территорий закономерно не упоминается: если цели документа — Арктика в векторах глобализации, то подбираются соответствующие сюжеты. Поэтому понятно, почему и в вопросах защиты арктических экосистем особый упор в документе сделан только на те виды, которые имеют глобальное распространение, но временно мигрируют в Арктику, — проше говоря, на перелетных птиц, а не на символ Арктики — белых медведей. Для глобализации важнее защита первых!

Природная среда (и ее защита) понимается Китаем в качестве соратника глобализации, потому что востребует во всей Арктике международные усилия по очистке морских и сухопутных ландшафтов от загрязнения в рамках идей Парижского и других экологических соглашений. Это «глобальное дело», даже если оно осуществляется на территориях суверенных государств. И потому природная среда — защитник арктической глобализации. В этом состоит

акцент документа — охрана окружающей среды не как сама по себе, в интересах «птичек и рыбок», а как мощный аргумент за глобальные усилия всех, за глобализацию, в том числе на территориях арктических стран.

Аналогично и аборигенные народы для Китая в этом документе — не просто культура, традиции, они важны как адепты (проводники) идей и ценностей новой глобализации, потому что мир несет за них коллективную ответственность в Арктике, они нуждаются не только в национальной, но в международной защите и охране. Это, конечно, очень сильно отличается от отношения к коренным малочисленным народам Севера самих арктических государств.

В документе проводится весьма дифференцированное отношение к работающим в Арктике и для Арктики межгосударственным структурам и институтам. Структуры, нормы и правила, отличающиеся открытым, дружественным к неарктическим государствам характером (в частности, Университет Арктики, Международный арктический научный комитет), пользуются поддержкой и упоминаются достаточно часто. Те же структуры, нормы и правила, которые, напротив, закрепляют приоритет арктических государств над зонами пока ничейной международной юрисдикции (например Илулиссатская декларация пятёрки приморских арктических государств по политике в области морских пространств Арктики), «негативно оцениваются» в документе — он просто не упоминает об их существовании.

Это верно и в отношении Арктического совета. Для нас это авторитетный орган, который уже третье десятилетие осуществляет эффективную координацию позиции арктических государств в области экологической защиты морской среды Арктики, поиска и спасания в Арктике судов и отдельных юридических и физических лиц, научных исследований, номинант на Нобелевскую премию мира 2018 г. Для Китая же Арктический совет — скорее орган, который резко сужает пространство для маневра в утверждении новой модели арктической глобализации, мешает КНР стать лидером в ее выработке и апробации на примере Арктики. Поэтому абсолютно неслучайно в данном документе Китай для решения вопросов мира и безопасности в Арктике отсылает читателя сначала к Совету Безопасности ООН и лишь затем — к Арктическому совету.

Китай воспринимает недостаток международных документов по вопросам современного развития Арктической зоны (упоминается только соглашение по Шпицбергену и Конвенция ООН по морскому праву) не как проблему, а как привлекательную для себя возможность в перспективе выйти с инициативой заключения интегрального (комплексного) международного арктического акта, самому участвовать в выработке новых международных норм и правил экономического поведения в Арктике. На фоне амбиций документа на поощрение

глобализации с арктической спецификой, на апробацию в Арктике новой модели глобализации выглядит вполне естественным, что Китай хочет быть лидером в этом законотворческом процессе.

В описанном контексте уже не вызывает удивления тот факт, что арктическое управление понимается Китаем исключительно как глобальное, а не управление арктическими государствами своими внутренними территориями (сегодня это более распространенная трактовка). Для Китая арктическое управление — глобализационный феномен, оно прежде всего именно глобальное при активном участии в нем неарктических государств.

Особенности арктической глобализации

Абсолютно недостаточно видеть в представленном документе только заявку Китая на глобализацию Арктики с активным участием в этом процессе неарктических государств. Нет, в нем решается значительно более масштабная задача — заявить на примере Арктики новую китайскую модель глобализации, радикально отличающуюся от современной англосаксонской. В этой связи возникает вопрос: в чем состоят отличия арктической глобализации, предлагаемой Китаем, от того проекта, который уже несколько десятилетий утверждают США и их союзники?³

Англосаксонская глобализация базируется на унифицированных институтах рынка и международных финансовых и экономических суперинститутах (Международном валютном фонде, Всемирном банке, Всемирной торговой организации, Международной организации труда и др.), которые фундаментально отрицают наличие местной специфики и делают акцент исключительно на экономических институтах и механизмах, не принимая во внимание культурные ценности, исторические традиции, сложившуюся общественную структуру и др.

С другой стороны, китайская модель глобализации, как она раскрывается в представленном документе, прежде всего делает акцент не на рыночные институты, а на управление, партнерское управление, совместные инфраструктурные проекты, общие усилия в деле охраны окружающей среды и обеспечения широко понимаемой безопасности. Это глобализация без абсолютизации роли глобальных рынков, глобализация с сильным неэкономическим компонентом местной специфики ценностей, норм поведения, природных и экологических особенностей, безопасности. Речь идет не столько о гармонизации и унификации тарифов, сколько о международной, межгосударственной кооперации в деле выработки новых институтов, инфраструктурной интеграции («ледяной шелковый путь») и растущей коммуникационной проницаемости (connectivity) стран.

³ Предельно рельефно представлена в фундаментальной монографии основоположника современной модели англосаксонской глобализации Джозефа Стиглица [15].

Да, в этой глобализации по-китайски есть свободная международная торговля, есть финансовая межгосударственная интеграция (общие институты развития, фонды и др.), но они не имеют черт абсолютизации служения рынку, рыночного императива. Как и в арктической стратегии Европейского союза, Китай в своей «Белой книге» начинает с необходимости углублять узнавание арктических природных и социальных систем в результате развертывания здесь, на платформах арктических «островов», масштабных дорогостоящих научно-исследовательских работ. Но дальше в документе Европейского союза речь идет о проектах малого бизнеса, аборигенном саморазвитии, а китайский документ выходит на крупные инфраструктурные межгосударственные, панарктические проекты как реальные сюжеты новой глобализации (табл. 2).

Понять приоритеты китайской глобализации в Арктике невозможно, если не увидеть в них скрытую дискуссию со сторонниками «американской» глобализации, которые всегда приукрашивают ее выгоды и приуменьшают издержки для стран-участниц. Китай говорит в своей «Белой книге»: у нас в Арктике будет другая глобализация, без всевластия рынков, без унифицированных подходов к Африке и Арктике, но зато с приоритетом ценностей справедливого международного арктического управления⁴, равноправного партнерства, экологии, безопасности и инфраструктурной интеграции. Это будет, так сказать, арктическая глобализация с китайской спецификой (как ранее был социализм с китайской спецификой — Китай виртуозно умеет брать от мира лучшее, сохраняя при этом собственные идентичность и ценности, не теряя, а только укрепляя свои компетенции за счет привнесенного знания).

Рассмотрим особенности китайского подхода к арктической глобализации на конкретных примерах международного рыбного промысла в арктических водах и арктического туризма, которые подробно описаны в «Белой книге». Полярное рыболовство мирового значения — это абсолютно новый феномен, поскольку потепление приводит к сдвигу в арктические акватории новых популяций рыб, которые ранее «выпасались» в морях умеренной зоны. И очень часто это рыболовство именно в зонах за пределами национальной юрисдикции.

Сначала, признавая ограниченность нашего знания об этом новом феномене (а неопределенность и недостаток информации вообще являются фундаментальной чертой арктических природных и социальных систем, ввиду чего здесь нет и не может

быть полноценных рынков), Китай предлагает активизировать научно-исследовательские работы. Особенность арктических режимов акваторий (в отличие, например, от тихоокеанского или атлантического) состоит в том, что они имеют более комплексный и интегральный характер — не по отдельным, а сразу по всем видам рыб. Можно сказать, что и арктическая глобализация в целом носит в силу этой давно выявленной особенности арктических природных и социальных систем более комплексный характер — системного, а не кусочного, частного регулирования. Очевидно, что эти и другие выявленные в ходе научных работ особенности должны быть учтены при выработке институтов и структур международного арктического рыбного промысла.

Затем на базе полученного знания нужно инициировать разработку нового правового документа по теме управления арктическим рыболовством. Потом учредить специальную международную организацию по арктическому рыбному промыслу — на базе уже существующих международных норм, прежде всего Конвенции ООН по морскому праву и др. И лишь после осуществления этих процедур всем совместно участвовать в использовании указанных ресурсов.

Аналогичный алгоритм (научно-исследовательские работы — формирование институтов — формирование структур — использование) предлагается и в отношении международного арктического туризма: сначала исследования, как безусловно обеспечить безопасность туристов в Арктике и сохранение арктических экосистем, потом специальное обучение персонала фирм-туроператоров специфике арктического туризма, выработка новых институтов и структур арктического туризма.

Глобальное арктическое управление

Центральное место в арктической стратегии Китая занимает новое арктическое управление, которое понимается как исключительно глобальный, а не внутренний феномен, предполагающий широкое участие неарктических игроков. Этот особый акцент на арктическом управлении легче понять, если признать, что прежняя англосаксонская модель глобализации потерпела фиаско именно вследствие того, что слишком полагалась на силы рынка и рыночные институты и на этом фоне имела чрезмерно рыночно ангажированные или слабые институты глобального управления. Китай же, учась на ошибках предшественников, хочет их избежать в своей модели глобализации и потому сразу предлагает для Арктики целостную систему — алгоритм формирования необходимого для развития Арктики глобального управления: понимать — защищать — развивать — участвовать — управлять (соучаствовать в природопользовании и др.).

Согласно тексту стратегии «понимать» означает в результате создания новой исследовательской инфраструктуры в Арктике, организации

⁴ Особый приоритет арктического управления не случаен и связан именно с тем, что весь проект «американской» глобализации провалился, по мнению его критиков, за счет чрезмерных надежд на глобальные рыночные институты и недооценки важности и значения эффективных и морально ответственных структур и институтов глобального управления.

Таблица 2. Сравнение арктических стратегий Европейского союза и Китайской Народной Республики

Избранное направление	Стратегия Европейского союза	Китайская арктическая стратегия
Обоснование необходимости решать арктические проблемы на уровне более высоком, чем страновой	Есть, в том числе через аргумент об изменении климата и необходимости защиты арктических экосистем	Есть, в том числе через аргумент об изменении климата и необходимости защиты арктических экосистем
Безусловный приоритет арктических научно-исследовательских работ	Есть (наука как основа выработки общего понимания арктических проблем и общих их решений)	Есть
Детальное упоминание всех конвенций по защите элементов природной среды, применяемых в Арктике	Есть	Нет
Космос, космическая телекоммуникационная инфраструктура в интересах объединения арктических сообществ бизнесов	Есть	Нет
Акцент на новые технологии освоения Арктики	Есть	Есть
Предложения по новым структурам	Форум основных стейкхолдеров для европейской Арктики. Организация по управлению арктическим рыбным промыслом. Новая Конвенция по арктическим морям	Международный совет управления арктическим рыбным промыслом
Приоритет глобального арктического управления	Нет	Есть

Примечание. Составлена на основании [13; 14].

научно-исследовательских работ накапливать знание и понимание законов развития арктических природных и социальных систем. «Защищать» означает поддерживать хрупкую экосистему Арктики, традиционный уклад аборигенных народов, безопасность жизни и работы в условиях быстрых, подчас внезапных изменений климата, природной и социальной среды. «Развивать» означает содействовать социально-экономическому развитию Арктики, улучшению условий жизни проживающих и работающих там людей в результате развития природопользования, морской навигации, технологических и организационных инноваций, защиты окружающей природной среды и других мер. «Участвовать» означает совместно выработать глобальные, много- и двусторонние нормы и правила, механизмы (структуры) для создания справедливой, разумной и хорошо организованной системы глобального управления в Арктике.

И венцом всей этой логической цепочки является выход на новое глобальное управление Арктикой. Именно с такой инициативой первым в мире

выступает Китай в своей арктической стратегии. Речь идет о тех сферах, где вследствие инерции международного законодательства или возникновения новой реальности из-за быстрых социальных и природных изменений пока наблюдается вакуум международных законодательных норм и правил.

Возникает вопрос: как все это работает? На последних страницах документа дается пояснение к новому китайскому проекту арктической глобализации.

Арктическое управление осуществляется на нескольких уровнях, каждый из которых имеет свои сферы ответственности. На глобальном уровне (и здесь закономерно, что документ допускает максимальную свободу предложений и инициатив неарктических стран) речь идет об участии Китая в формулировании правил адаптации к климатическим изменениям в Арктике, правил международной арктической навигации, управления арктическим рыболовством. Здесь обозначаются приоритеты охраны природной среды, сокращения выбросов, низкоуглеродного развития, в том числе

через возобновляемую энергетику. Подтверждается приверженность Китая Конвенции ООН по изменению климата, Киотскому протоколу, Парижскому соглашению, безусловное выполнение требований Международной морской организации по морской навигационной безопасности и предотвращению загрязнения среды Арктики отходами с судов. Имеется призыв к формированию специального соглашения по управлению рыбными ресурсами и промыслом в высокоширотной Арктике.

Перечисление обязательств и приоритетов Китая на других уровнях, где он менее самостоятелен, носит более ритуальный, протокольный характер. На циркумполярном уровне подтверждается полная поддержка Китаем решений Арктического совета последних лет по поиску и спасению в Арктике, по предотвращению морского нефтяного загрязнения и по содействию научному сотрудничеству. На межгосударственном уровне подтверждается содействие практическому сотрудничеству в различных областях (климатические изменения, научные экспедиции, защита природной среды, экосистемы, морские пути, ресурсное развитие, подводная прокладка кабелей, культурные обмены и др.). Особый акцент здесь делается на кооперативные партнерства между арктическими и неарктическими государствами, подтверждается необходимость постоянных консультаций со всеми арктическими государствами для выработки рациональной модели современного, нового глобального арктического управления.

Здесь же, в конце документа, приводятся и основные принципы новой арктической глобализации, которые Китай предполагает проводить на всех уровнях — глобальном, циркумполярном, межгосударственном. Им предшествует, в соответствии с китайской манерой, провозглашение уважения к нормам международного права (пока, как указывалось, очень малочисленным для Арктики) и к широко понимаемой местной специфике в виде национального суверенитета арктических государств, культуры и традиций коренных малочисленных народов и др. Это выглядит почти банальным, но если вспомнить, что англосаксонский проект глобализации никогда не ставил данные аспекты в ряд первых приоритетов (а таковыми всегда были рынок и рыночные институты), то такая позиция уже не представляется просто рутинной. Принцип уважения к позиции партнеров, конечно, предполагает взаимность, т. е. и уважение арктических стран к пришельцам в Арктику из числа неарктических стран.

Принцип сотрудничества означает разностороннее и многоуровневое соучастие в обсуждении и работе по ключевым вопросам арктической повестки: изменения климата, научно-исследовательские работы, защита хрупкой окружающей природной среды Арктики, развитие арктических судоходных путей, природопользование в Арктике. Принцип обоюдной выгоды означает, что выигрыш от арктического

сотрудничества должны получать все участники, в том числе и коренные жители. Еще один принцип провозглашает гармонию целей охраны и консервации природной среды и социально-экономического развития. Конечно, все это даже в декларации очень сильно расходится с правом сильного (своеобразным законом джунглей), провозглашаемым в современных международных документах США, в том числе и по глобализации.

Заключение

Очень недальновидно видеть в арктической политике Китая только желание прорваться к разделу пирога арктических ресурсов, чем грешат настроенные работы многих экспертов. Не пора ли попробовать взглянуть на эту ситуацию не с позиций одергивания Китая в связи с его «великодержавными амбициями», а с совершенно других позиций? Тогда окажется, что Арктика лежит на перекрестке между джунглями мировой политики, предусматриваемыми глобализацией по-англосаксонски, т. е. на праве сильного, и новой, более цивилизованной моделью глобализации, которую предлагает Китай.

Новый документ по арктической политике Китая открывает особенности китайского мышления по поводу арктической глобализации и очень много дает для понимания логики последующих действий Китая на этом направлении. Но чтобы понять логику и контекст этого документа, нужно предпринять настоящий интеллектуальный кульбит и полностью переинтерпретировать привычные представления о приоритетах развития Арктики, ее современных проблемах и вызовах или даже отказаться от них. Потому что все они, как правило, имеют национальный характер, национальное звучание, а китайский документ прежде всего обращен к глобальному видению и глобальным проблемам Арктики.

Для нас это очень непривычно и на первых порах дискомфортно. Первая закономерная реакция на внутренний дискомфорт — интеллектуальная враждебность. Ее следует преодолеть!

На самом деле китайская арктическая стратегия даже не про Арктику. Она про китайский проект глобализации, как ее видит Китай и как он к ней идет. И это не менее, а, может быть, даже более интересно. Нужно так и рассматривать этот документ — в более широком контексте, где Арктика — модель, полигон, «островная платформа», как говорят сами авторы документа, для отработки этой новой для всего человечества модели глобализации. Ведь отрабатываются же в Арктике на ее островных платформах исследовательские методы, приемы мониторинга природной среды и климата. Так почему же там не может быть выработана модель новой глобализации, более справедливой и более равной?

Американский проект глобализации потерпел фиаско. На наших глазах рождается китайский проект глобализации, который отрабатывается в том числе

на примере Арктики. Может быть, он будет более справедливым для человечества.

Выражаю благодарность моему коллеге Го Пейцину, профессору Университета океана города Циндао. В творческих дискуссиях с ним и его аспирантами оттачивалось понимание новой арктической стратегии Китая.

Литература/References

1. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы: Доклад № 26/2016 / Т. А. Махмутов и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Рос. совет по междунар. делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2016. — 56 с. *Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy. Doklad № 26/2016* [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects. Report No. 26/2016]. T. A. Mahmutov i dr.; gl. red. I. S. Ivanov. Ros. sovet po mezhdunar. delam (RSMD). Moscow, NP RSMD, 2016, 56 p. (In Russian).
2. Карлусов В. В. Арктический вектор глобализации Китая // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 т. — Т. 1 / Рос. совет по междунар. делам; Под общ. ред. И. С. Иванова. — М.: Аспект-Пресс, 2013. — С. 236—242. *Karlusov V. V. Arkticheskij vektor globalizacii Kitaya. Arkticheskij region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Hrestomatiya v 3 t. T. 1* [The Arctic vector of China's globalization. Arctic region: Problems of international cooperation: reader in 3 vol. Vol. 1]. Ros. sovet po mezhdunarodnym delam; Pod obshch. red. I. S. Ivanova. Moscow, Aspekt-Press, 2013, pp. 236—242. (In Russian).
3. Криворотов А. К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 18: ежегодное издание / Отв. редактор-составитель Е. И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2013. — С. 158—193. *Krivorotov A. K. Arkticheskaya aktivizaciya Kitaya: vzglyad iz Skandinavii*. [Arctic activation of China: A view from Scandinavia]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. Vyp. 18: ezhegodnoe izdanie. Otv. redaktor-sostavitel' E. I. Safronova. Moscow, IDV RAN, 2013, pp. 158—193. (In Russian).
4. Кудинова А. И. Арктический вектор в политике Китайской Народной Республики: Выпускная работа / Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2016. — 100 с. *Kudinova A. I. Arkticheskij vektor v politike Kitajskoj narodnoj respubliki*. [Arctic vector in the policy of the People's Republic of China]. *Vypusknaya rabota*. Tyumen. gos. un-t. Tyumen', 2016, 100 p. (In Russian).
5. Тулупов Д. Участие Китая в Арктическом совете / Рос. совет по междунар. делам. — М., 2013. — URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskom-sovete/?sphrase_id=13118193.
6. Цзюньтао Ван. Формы участия Китая в международной деятельности в Арктике: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / СПбГУ. — СПб., 2016. — URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/788/aftoreferat/DxPZNzt9BG.pdf>.
7. *Economy E. C. Beijing's Arctic Play: Just the Tip of the Iceberg*. Council on Foreign Relations. Apr. 4. 2014. Available at: <https://www.cfr.org/blog/beijings-arctic-play-just-tip-iceberg>.
8. *Sørensen C. T. N., Klimenko E. Emerging Chinese-Russian cooperation in the Arctic. Possibilities and constraints*. SIPRI Policy Paper No. 46. June 2017. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/emerging-chinese-russian-cooperation-arctic.pdf>.
9. *Jakobson L. China Prepares for an Ice-Free Arctic*. SIPRI Insights on Peace and Security 2010 (2). Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/insight/SIPRIInsight1002.pdf>.
10. *Kopra S. China's Arctic Interests*. Arctic Yearbook 2013: The Arctic of Regions versus the Globalised Arctic. Ed. L. Heininen (Akureyri: Northern Research Forum, 2013), pp. 107—124. Available at: <https://arcticyearbook.com/ay2013/files/assets/downloads/publication.pdf>.
11. *Lanteigne M. China's emerging Arctic strategies: economics and institutions*. The Center for Arctic Policy Studies. Inst. for Inter. Affairs. [S. I.], 2014, 44 p.
12. *Sun Kai. China and the Arctic: China's Interests and Participation in the Region*. East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. Ed. Kimie Hara and Ken Coates. Waterloo, Canada, Centre for Intern. Governance Innovation, 2014, 36 p.
13. *China's Arctic Policy*. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Jan. 2018. First Edition 2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm.
14. *An Integrated European Union policy for the Arctic*. Joint Communication to the European Parliament and the Council. Brussels, 2016, 17 p.
15. *Stiglitz J. Making Globalization Work*. London, Penguin Books, 2006, 358 p.

Сведения об авторе

Пиясов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор экономики и менеджмента, почетный профессор Университета океана (Циндао, Китай), генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга» (117218, Россия, Москва, Нахимовский просп., 32, офис 903), e-mail: pelyasov@mail.ru.

Библиографическое описание данной статьи

Пиясов А. Н. Магнит глобализации — арктическая политика Китая // Арктика: экология и экономика. — 2018. — № 3 (31). — С. 112—122. — DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-112-122.

THE MAGNET OF GLOBALIZATION — CHINA'S ARCTIC POLICY

Pilyasov A. N.

Institute for Regional Consulting (Moscow, Russian Federation)

Acknowledgements

I express my gratitude to my colleague Guo Peiqing, Professor of Ocean University of China in Qingdao — during creative discussions with him and his graduate students I have obtained understanding of China's new Arctic strategy.

Abstract

All China's actions in the Arctic, including the new official Arctic policy, should be understood in the context of its claim to the role of the main engine, main supporter, defender and driver of globalization in the modern world, including the Arctic.

Using the Arctic example, China is working on a new model of globalization for humanity, which unlike the Anglo-Saxon model, is based on non-market factors of scientific validity, social justice, environmental balance and unconditional respect and consideration of local specifics.

China came to the Arctic later than many other non-Arctic countries and therefore can achieve tangible success in its policy if only it can offer to participants a completely new agenda for discussion. It seems that the globalization principles with the Arctic specifics, containing a new “white book” (China's Arctic Policy), makes this new agenda.

The entire spatial, institutional and functional structure of the modern global Arctic development in the Chinese strategy is being tested, on the basis of the globalization phenomenon magnet. And China seeks for leadership in the Arctic using this very magnet. Although the magnet of globalization may not act for the areas that are very much tied to the anchors of the already existing national or international order.

Chinese view of the Arctic is a map centered at the North Pole: the primary is “no man's” sea space, while the land outskirt is secondary. And this is very unusual for us, residents of the country with vast Arctic land.

The main idea in China's Arctic strategy is the new Arctic governance, which is understood as a purely global, not domestic, phenomenon, involving the broad participation of non-Arctic players. This particular focus on Arctic governance is better understood if we recognize that the former Anglo-Saxon model of globalization failed precisely because it relied too much on market forces and institutions.

China, in its way of learning from the mistakes of its predecessors, wants to avoid failures in its model of globalization and therefore offers an integrated system for the Arctic — an algorithm for the necessary global governance formation: understand-protect-develop-participate-manage.

Keywords: *Arctic policy, globalization, coastal and marine areas of the Arctic, Arctic Council, non-arctic countries, Arctic governance.*

Information about the author

Pilyasov Alexander Nikolaevich, Doctor of Geographic Sciences, Professor, Distinguished Professor of the Ocean University of China in Qingdao, Director of the Institute for Regional Consulting (room 903, 32, Nakhimovskii prospect, Moscow, Russia, 117218), e-mail: pelyasov@mail.ru.

Bibliographic description

Pilyasov A. N. The magnet of globalization — China's Arctic Policy. Arctic: ecology and economy, 2018, no. 3(31), pp. 112—122. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-112-122. (In Russian).

© Pilyasov A. N., 2018